

Е. С. Соколова*

«ДАНЬ ВЕКУ ПРОСВЕЩЕНИЯ...»: ОБ ИСТОРИКО-ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ ИЗУЧЕНИЯ БИБЛИОТЕКИ А. С. ПУШКИНА

ТЕНДЕНЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ последнего десятилетия к выявлению культурологических аспектов социальной истории стала мощным импульсом для конструирования апостериорных моделей самоидентификации личности как на индивидуальном уровне, так и в рамках отдельных общественных групп. Стремление ряда ученых осмыслить проблему эволюции ценностных ориентиров, которая неизбежно возникает для любого социума в процессе его стратификации, способствует обогащению методологии исторического исследования постмодернистскими конструкциями. Другого прошлого, исторической памяти и семиотического анализа социальных архетипов¹.

Оборотная сторона актуализации нетривиальных сюжетов научного текста связана с некоторыми аспектами новейших методологических дискуссий между сторонниками идеально-типологического анализа и противниками социальной истории в ее веберовском понимании. Наиболее ожесточенная полемика по данному поводу возникла вокруг предложенного Б. Н. Мироновым дискурса о европейскости России, сконструированного в контексте теории модернизации с учетом исследовательских традиций, накопленных в позитивистской методологии применительно к истории российского сословного строя. Основной упрек, высказанный оппонентами Миронова, сводится к сомнению в возможности добиться объективного научного результата с помощью концептов, описывающих реалии европейского общества средневековья и нового времени без учета их семантической аутентичности для российского социума XVIII – начала XX вв.² Не менее концептуальные соображения высказываются и по поводу допустимой степени обобщения данных исторического источника, глобализация которой, по мнению некоторых авторов, является чрезвычайно опасной, так как может привести к исключению индивида из театра истории, оставляя на сцене в качестве главного действующего лица лишь обезличенную массу³.

* Соколова Елена Станиславовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права Уральской государственной юридической академии (Екатеринбург).

¹ См. например: Бойцов М. А. Выживет ли Клио при глобализации? // Казус. 2005. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 2006. С.15–41; Каменский А. Б. История жизни Матвея Петровича Воейкова, землемера и дворянина // Там же. С. 233–257; Марасинова Е. Н. «Душевно отстал я от всяких великосветских замыслов». Опыт исследования сознания российской дворянской элиты последней трети XVIII – начала XIX века // Казус. 2000. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 2000. С. 209–220; История России: QVO VADIS? // Одиссей. Рыцарство: реальность и воображаемое. М., 2004. С. 378–422.

² Миронов Б. Н. Дискурс о европейскости России, или конструирование Европы: Европа с Россией или без? // Одиссей: человек в истории. Феодализм перед судом историков. М., 2006. С. 420–443.

³ Гуревич А. Я. Post Scriptum: peasant society и профессор Крис Уикхем // Там же. С. 184–200.

Споры о предельных границах верификации онтологической реальности прошлого, построенной на концептуализации идеального типа институционального характера, представляют большой интерес для историко-правовой науки с ее акцентом на позитивистскую интерпретацию нормативных актов. Специфика истории права и государства не позволяет полностью отказаться от использования ряда концептов, составляющих основу категориального аппарата, игнорирование которого неизбежно разрушит привычный методологический инструментарий историка-юриста. Задача анализа механизма реализации права на различных отрезках истории постоянно ставит исследователя перед необходимостью решения такой проблемы как поиск степени соответствия формы право-государственного уклада теоретическому идеалу.

С другой стороны, трудно согласиться с утверждением Б. Н. Мироннова, высказанном в ходе упомянутой дискуссии, об опасности тенденции к индивидуализации социальных аспектов историко-правовой науки «из-за непредвиденности» поведения личности, которая «в большинстве случаев говорит за себя и от себя», иногда полностью абстрагируясь от интересов той социальной группы, формальным представителем которой она является⁴. Девиантность мышления и поведенческой модели человека прошлого лишь обогащают исследовательскую палитру, внося в нее порой неуловимые оттенки, способные углубить наше представление о ментальности и диктуемых ею сдвигах как правового, так и социокультурного характера. Исследование процессов самоидентификации личности на уровне воссоздания представлений о прошлом и настоящем окружающего ее правового и социокультурного пространства, свойственных только данному индивиду, создает возможность более отчетливо представить ту интеллектуальную атмосферу, в которой осуществляется реализация законодательных инициатив верховной власти, нередко действующей в отрыве от повседневной практики, связанной с социальной деятельностью рядовых субъектов права ушедших эпох⁵.

Степень эффективности индивидуального подхода к историко-правовым аспектам исследования специфики социального самосознания российского дворянина XIX в. хорошо прослеживается на примере изучения юридического отдела личной библиотеки А. С. Пушкина, собранной под влиянием синтеза литературно-художественных интересов и специальных знаний по философии права и юриспруденции, полученных поэтом в Царскосельском Лицее⁶.

Старое изречение о том, что выбор книг характеризует интересы и духовные склонности человека, находит прекрасное подтверждение в библиографических материалах, посвященных описанию книг, приобретенных поэтом в течение жизни. Существует обширная литература об истории возникновения и составе пушкинского книжного собрания. Объектом научного исследования неоднократ-

⁴ Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 441. Противоположный взгляд на допустимость индивидуализации социальной истории см., например: Уваров П. Ю. Франция XVI века. Опыт реконструкции по нотариальным актам. М., 2004. С. 336–469.

⁵ См., например: Агеева О. Г. «Величайший и славнейший более всех городов в свете...» - град святого Петра: Петербург в русском общественном сознании начала XVIII в. СПб., 1999; Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. (По материалам переписки). М., 1999; Куприянов А. И. «Выбрать бороду и взять подписку». Культурный конфликт в русском обществе XIX в. // Казус. 2005. С. 258–270.

⁶ Более подробно о преподавании юридических дисциплин в Царскосельском Лицее пушкинского времени см.: Соколова Е. С. Концепция преподавания права в Императорском Царскосельском Лицее (первая треть XIX в.) // Российский юридический журнал. 2007. № 5. С. 188–193.

но становились литературные пристрастия поэта, история приобретения отдельных изданий, содержание книжных пометок, сделанных рукой Пушкина⁷. Тем не менее, в исследовательской пушкиниане до сих пор сохраняется пробел, сущность которого еще в 1855 г. была определена А. В. Дружининым. Намечая общие черты издательской политики по отношению к пушкинскому наследию, известный писатель и публицист отмечал, что «...мы можем по месяцам проследить за ходом чтения англичанина Соути и знаем... мало о том, что читал и любил читать поэт, которым гордится наше Отечество»⁸. Справедливость данного замечания приобретает очевидный характер, если учесть, что библиотека Пушкина планомерно пополнялась научными публикациями. Книги по праву, истории, философии, статистике, географии и богословию составляют более половины книжного собрания, принадлежавшего поэту⁹.

Система лицейского образования, построенная по университетскому типу, служила для Пушкина хорошим ориентиром в правовых и историко-политических науках, аккумулирующих в себе имена и теории, которые носили характер своеобразного мнемонического кода для самоидентификации столичного дворянина-интеллектуала 20–30-х гг. XIX в. Размышления поэта об исторической судьбе и перспективах российской государственности сквозь призму политико-правовых концепций нового времени стали ключевой темой его зрелого творчества¹⁰. Произведения ведущих представителей европейского правоведения заняли достаточно почетное место на полках пушкинской библиотеки. К изданиям любимого с юношеских лет Вольтера были добавлены произведения Д. Дидро, И. Канта, Ш. Л. де Монтескье, Ж. Ж. Руссо. «Размышления о главнейших событиях французской революции», написанные блистательной мадам де Сталь, соседствовали с трудами европейских либералов И. Бентама и Б. Констана, представленными парижскими и брюссельскими изданиями 20–30-х гг. XIX в.¹¹

Состав юридического отдела библиотеки Пушкина не был столь обширным и разнообразным как литературно-критический. Описывая книги философского и политического содержания, принадлежавшие поэту, Б. Л. Модзалевский отнес к правовым изданиям лишь 20 наименований. Интерес этого собрания заключается в том, что издания по юриспруденции были подобраны с большой тщательностью. Например, внимание Пушкина привлекли публикации по истории русского права, многие из которых уже в ту пору считались библиографическими редкостями. К числу таких раритетов относится сборник именных указов Екатерины II с 18 июня 1762 по 1763 г., изданный в типографии Морского шляхетского корпуса в сентябре 1764 г. Это издание было подписано в печать по личному распоряжению императрицы, заинтересованной в смягчении политического резонанса от событий июньского переворота 1762 г. Типография находилась в под-

⁷ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935; *Гессен А. И.* «Всё волновало нежный ум...» Пушкин среди книг и друзей. М., 1965; А. С. Пушкин и книга. М., 1982; *Анненков П. В.* Материалы для изучения биографии А. С. Пушкина. М., 1984; *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина. М., 1988.

⁸ *Дружинин А. В.* А. С. Пушкин и последнее издание его сочинений // Отечественные записки. 1855. Т. 130. Отд. III–IV. С. 73.

⁹ *Модзалевский Б. Л.* Указ. соч. С. 427–430.

¹⁰ Об эволюции политических взглядов А. С. Пушкина в 30-е гг. XIX в. см.: *Франк С. Л.* Пушкин как политический мыслитель // Пушкин в русской философской критике. М., 1990. С. 417–420; *Рахматуллин М. А.* А. С. Пушкин, российские самодержцы и самодержавие // ОИ. 2002. № 5. С. 18–32; № 6. С. 3–26.

¹¹ *Модзалевский Б. Л.* Указ. соч. С. 156, 210–211.

чинении у Адмиралтейской коллегии, под наблюдением которой печатались многие официальные книжные издания второй половины XVIII в. В библиотеке Пушкина находился и экземпляр «Жалованной грамоты Российскому Дворянству», напечатанной в 1811 г. по инициативе Александра I¹².

Изучая век Екатерины Великой, Пушкин обращался и к другим источникам. В 1934 г. Л. Б. Модзалевский, просматривая опись библиотеки поэта, составленную в 1837 г. Опекой, обнаружил ряд книг, не сохранившихся в собрании поэта до наших дней. Среди них упоминается экземпляр «Положения, откуда депутатов прислать в силу Манифеста к сочинению проекта нового Уложения»¹³. История екатерининской законодательной комиссии 1767–1768 гг. интересовала Пушкина как повод для составления знаменитого «Наказа». В «Заметках по русской истории XVIII века», рисуя яркими штрихами портрет Екатерины-законодательницы, он оценивает «Наказ» как документ, сыгравший довольно значительную роль в провале законодательных мероприятий императрицы, изначально носивших оттенок политического маскарада. По мнению Пушкина, европейским просветителям оказалось довольно «фарсы наших депутатов, столь непристойно разыгранной», чтобы поставить Екатерину «наряду с Титами и Траянами, но перечитывая сей лицемерный “Наказ”, нельзя воздержаться от праведного негодования»¹⁴.

В пушкинской библиотеке хранились и юридические сборники, отразившие общее направление законодательной политики Петра Великого, к изучению которой поэт обращался в процессе работы над историей политической деятельности царя-преобразователя. К редким изданиям петровской эпохи принадлежит приобретенная поэтом книга под названием «1721 года копии с указов Его Императорского Величества, состоявшихся с вечногo мирного трактату Свенскою Короною». В предисловии к публикации именных указов Петра I говорилось, что их тексты носят характер действующего законодательства «и впредь для действия и ведома напечатаны при Сенате в типографии генваря 12 дня, 1725 году»¹⁵. Работая над «Историей Петра», Пушкин приобретал и новейшие издания юридических памятников петровской эпохи. Так, в библиотеке поэта находился «Устав воинский о должности генерал-фельдмаршалов и всего генералитета и прочих чинов, которые при войске надлежит быть принятом». Издание это было напечатано в Военной типографии Генерального штаба и датируется 1826 г.¹⁶

Пушкин проявлял интерес к публикациям по юриспруденции на французском языке. В черновых набросках 1824 г. он, говоря о склонности образованных русских дворян к покупке европейских изданий, объяснял это обстоятельство тем, что «ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись»¹⁷. Усвоенные поэтом традиции Просвещения, воспитали в нем тягу к энциклопедиз-

¹² Модзалевский Л. Б. Указ. соч. С. 429, 107, 39.

¹³ Там же. Приложение к репринтному изданию. С. 29.

¹⁴ Пушкин А. С. Заметки по русской истории XVIII века // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 127. Более подробно об историко-правовых аспектах екатерининской политики в творчестве А. С. Пушкина см.: Соколова Е. С. «Дворянство есть нарицание в чести...»: опыт реконструкции правосознания высшего сословия Российской империи XVIII – первой половины XIX вв. // Известия Уральского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. Вып. 10. 2005. № 39. С. 71–87.

¹⁵ Модзалевский Л. Б. Указ. соч. С. 106.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Пушкин А. С. О причинах, замедливших ход нашей словесности // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 18.

му. Постоянное стремление Пушкина «быть с веком наравне» диктовало необходимость регулярно выписывать книги и журналы из Парижа, который прочно сохранял репутацию интеллектуального центра Европы. «Здесь я живу смиренно и порядочно, – сообщает он жене из Москвы в письме от 27 сентября 1832 г. – Хлопочу по делам, слушаю Нащокина и читаю “Mémoires de Diderot”. «Я сделался ужасным политиком с тех пор, как читаю “Conquêtes de l’Angleterre par les Normands”», – пишет поэт Н. Н. Пушкиной спустя два года. В период пребывания в Михайловском осенью 1835 г. Пушкин просит жену прислать «если можно, Essays de M. Montagne, 4 синих книги на длинных моих полках»¹⁸.

Среди европейских изданий, приобретенных Пушкиным, есть несколько любопытных книг юридического содержания, посвященных вопросам судопроизводства. Среди них заслуживает упоминания сборник «Знаменитые уголовные процессы XIX века» в 3-х томах, составленный Обществом парижских адвокатов и опубликованный в 1827 г. Сюда же примыкает и брюссельская публикация 1835 г. под названием «Судебная летопись или подборка наиболее интересных происшествий, случившихся в различных странах Европы». В библиотеке поэта нашлось место и для «Сочинений по уголовному праву» профессора Женевской академии М. П. Росси, вышедших в Брюсселе и датированных 1829 г. Интерес Пушкина к судебной хронике был, очевидно, так велик, что он не устоял перед покупкой парижского издания 1835 г. под названием «Полный судебный процесс Эмиля Клемана Де ла Ронсье, лейтенанта I-го уланского полка, обвиненного в попытке ночного надругательства над особой Марии де Морель, с планами особняка месье де Мореля и комнаты мадемуазель в Санмюре, с полным текстом анонимных писем, воспроизведенных и опубликованных впервые»¹⁹. Среди книг поэта обнаружено и фундаментальное сочинение Н. Туссена под названием «Некоторые знаменитые процессы. Опыт всеобщей истории судов, как древних, так и современных, содержащий пикантные истории, а также известные судебные приговоры всех времен и народов». По данным Б. Л. Модзалевского, все перечисленные издания были разрезаны и просмотрены Пушкиным²⁰.

Работая над сюжетами, посвященными русской истории XVI–XVIII вв., поэт не раз обращался за юридической литературой к А. Ф. Смирдину, самому знаменитому книгопродавцу и издателю пушкинской поры. По справедливому отзыву одного из современников, Смирдин «захотел дать приличный приют русскому уму и основал магазин, какого еще не бывало в России»²¹. В верхних этажах своего магазина он устроил с 1833 г. публичную библиотеку, которая, по отзывам столичной интеллектуальной элиты, считалась одной из первых по богатству и полноте представленных в ней книжных новинок. У Смирдина можно было найти все русские издания, выходившие как в обеих столицах, так и в провинции. Там же принималась подписка на газеты и журналы. После смерти поэта среди книг его собрания были найдены экземпляры с экслибрисом «из библиотеки А. Ф. Смирдина». К ним относятся опубликованные в 1819 г. «Законы Великого

¹⁸ Пушкин А. С. Письмо Н. Н. Пушкиной. 27 сентября 1832 г. Из Москвы в Петербург // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 419; *Он же*. Письмо Н. Н. Пушкиной. 15 и 17 сентября 1834 г. Из Болдина в Петербург // Там же. С. 513; *Он же*. Письмо Н. Н. Пушкиной. 21 сентября 1835 г. Из Михайловского в Петербург // Там же. С. 547; *Он же*. Письмо Н. Н. Пушкиной. Около (не позднее) 29 мая 1834 г. Из Петербурга в Полотняный завод // Там же. С. 485.

¹⁹ Модзалевский Б. Л. Указ. соч. С. 324, 315.

²⁰ Там же. С. 222–223.

²¹ Гриц Т. С. Словесность и коммерция. Книжная лавка А. Ф. Смирдина. М., 1929. С. 235.

Князя Иоанна Васильевича и Судебник Царя и Великого князя Иоанна Васильевича», изданные на средства графа, сенатора и канцлера Н. П. Румянцева, меценатская деятельность которого находилась у истоков научного книгопечатания первой трети XIX столетия. Публикация московских Судебников 1497 и 1550 гг. была дополнена текстами указов Ивана Грозного, обнаруженными и подготовленными к печати знатоками российских древностей Н. Ф. Калайдовичем и П. М. Строевым²².

В библиотеке Смирдина Пушкин брал и «Уложение, по которому суд и расправа во всяких делах в Российском государстве производится, сочиненное и напечатанное при владении Его Величества Государя, Царя и Великого князя Алексея Михайловича», выполненное десятым тиснением в типографии Правительствующего Сената в 1820-м году»²³. Возможно, что поэт намеревался использовать оба издания памятников московского права при работе над введением к «Истории Петра», где планировал описать состояние российского законодательства к 50-м гг. XVII в., когда «Россия, долго терзаемая междуусобиями..., отдыхала под управлением Романовых»²⁴.

Систематическое пользование библиотекой Смирдина требовало значительных финансовых расходов. Стоимость абонемента составляла тридцать рублей в год. За оформление подписки на новые журналы Пушкину приходилось ежегодно платить двадцать рублей, не считая расходов на доставку и прочие финансовые издержки²⁵. Тратя на историко-правовую литературу немалые суммы, поэт, очевидно, обращался к Смирдину в тех случаях, когда необходимую книгу по каким-либо причинам было сложно приобрести через книжные лавки. Можно предположить, что интерес к приобретенным изданиям по юриспруденции выходил у Пушкина за рамки приятно проведенного досуга²⁶. Например, в уже упомянутой книге Н. Туссена, которую поэт приобрел в двух экземплярах, содержалось изложение материалов судебного дела царевича Алексея Петровича, дополняющее официальную версию, изложенную в документальном своде И. И. Голицева «Деяния Петра Великого», которым Пушкин пользовался при работе над историей петровских преобразований²⁷.

Интерес поэта к проблемам правового характера был тесно связан с эволюцией его взглядов на природу общества и государства. По мнению Пушкина, степень развития просвещения и нравственности народа находится в прямой зависимости от принципов законодательства и уровня судопроизводства²⁸. В пушкинской прозе нередко встречаются пространные экскурсы в историю юриспруденции. Так, в 6-й главе романа «Капитанская дочка», Пушкин приписывает Петруше Гриневу собственные рассуждения о пагубном влиянии безнравственного закона на уровень профессионального правосознания: «Пытка в старину так была укоренена в обычаях судопроизводства, что благодетельный указ, уничтоживший оную, долго оставался безо всякого действия. Думали, что

²² Гриц Т. С. Указ. соч. С. 236; Модзалевский Б. Л. Указ. соч. С. 42.

²³ Модзалевский Б. Л. Указ. соч. С. 107.

²⁴ Пушкин А. С. История Петра. Подготовительные тексты // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 7.

²⁵ Гриц Т. С. Указ. соч. С. 238.

²⁶ Противоположная точка зрения была высказана библиофилом С. А. Соболевским, который утверждал после смерти поэта, что библиотека Пушкина «не ученая, ... а собрание книг приятного общепользующего чтения» (Цит. по: А. С. Пушкин и книга. С. 287).

²⁷ Модзалевский Б. Л. Указ. соч. С. 222–223.

²⁸ Пушкин А. С. О предисловии г-на Лемонте к переводу басни Крылова // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 27.

живший оную, долго оставался безо всякого действия. Думали, что собственное признание преступника необходимо было для его полного обличения, – мысль не только неосновательная, но даже и совершенно противная здравому юридическому смыслу»²⁹.

Внимание Пушкина к деталям знаменитых уголовных процессов вызывалось и потребностями литературного творчества. Юридические нюансы превращались для поэта в ценный материал, на основе которого конструировались психологические особенности героев его художественной прозы. По словам П. И. Бартенева, замысел романа «Дубровский» возник у Пушкина в результате дружеских бесед с П. В. Нащокиным. Именно он рассказал поэту о небогатом белорусском дворянине по фамилии Островский, «который имел процесс с соседом за землю, был вытеснен из имения и, оставшись с одними крестьянами, стал грабить, сначала подъячих, потом и других»³⁰. Сообщение Бартенева подтверждается письмом Пушкина Нащокину от 2 декабря 1832 г.: «...честь имею тебе объявить, что первый том “Островского” окончен, и на днях прислан будет в Москву на твое рассмотрение и под критику г. Короткого»³¹. По рассказу Бартенева, Нащокин сам видел Островского, который во время судебного следствия содержался под стражей в остроге. Л. В. Короткий, знакомый Нащокина, служивший в ссудной кассе, по долгу службы неплохо разбирался в тонкостях производства тяжёлых дел. Ему, как знатоку судопроизводства, Пушкин и отправил свою повесть на отзыв³².

Согласно свидетельствам современников, поэт нередко касался в частных беседах проблем философии и истории права, рассуждая вполне профессионально. Адам Мицкевич вспоминал, что «когда говорил он о политике... можно было думать, что слушаешь человека, заматеревшего в государственных делах и пропитанного ежедневным чтением парламентских прений»³³.

В дневниках и переписке Пушкина неоднократно упоминаются темы разговоров с лицами самых разных политических взглядов, занимавших видное положение в обществе. Юным изгнанником он коротал время со «старичком Инзовым», рассуждая «о гишпанской революции» и «о конституции кортесов». 9 апреля 1821 г. в дневнике поэта появилась запись о встрече с П. И. Пестелем: «Мы с ним имели разговор метафизический, политический, нравственный и проч.»³⁴ Беседа эта происходила на фоне занятий Пушкина в канцелярии генерала И. Н. Инзова, где он переводил на русский язык молдавские законы, «писанные по-французски». Выполненная поэтом работа стала основой для ряда мероприятий по кодификации молдавского права 20-х гг. XIX в.³⁵

²⁹ Пушкин А. С. Капитанская дочка // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 454.

³⁰ Бартенев П. И. Рассказы о Пушкине. М., 1925. С. 27.

³¹ Пушкин А. С. Письмо П. В. Нащокину. 2 декабря 1832 г. Из Петербурга в Москву // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 423.

³² Девятнадцатый век. Исторический сборник, изданный Петром Бартеневым, издателем «Русского архива». М., 1872. Кн. 1. С. 76.

³³ Вересаев В. В. Пушкин в жизни. М., 1936. Т. 1. С. 443.

³⁴ Пушкин А. С. Письмо А. И. Тургеневу. 14 июля 1824 г. Из Одессы в Петербург // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 96–97; Он же. Дневники // Там же. Т. 8. С. 17.

³⁵ Соколова Е. С. Пушкинский лицей и формирование политической культуры российского дворянства: к вопросу об историко-правовых аспектах исследования исторической памяти // Запад, Восток и Россия: проблемы исторического развития и взаимодействия. Вопросы всеобщей истории. Вып. 9. Екатеринбург, 2007. С. 130.

Десятилетие спустя, став придворным историографом и поддерживая широкие светские связи, Пушкин не раз имел возможность обсудить интересующие его проблемы с видными государственными сановниками и иностранными дипломатами. С английским поверенным в русских делах Джоном Блайем он обсуждает степень эффективности норм международного права. С историком Н. Г. Устряловым Пушкин беседовал о возможности издания юридических материалов по делу патриарха Никона 1667 г. Великий князь Михаил Павлович поддержал с поэтом разговор «о старинном оружии, об военном уставе, об Артикуле». Вероятно, речь шла о сравнении военно-уголовного кодекса, санкционированного Петром Великим 26 апреля 1715 г. с уже упомянутым Уставом воинским от 30 марта 1716 г., экземпляр которого сохранился в библиотеке Пушкина³⁶.

Осенью 1833 г. темой бурного обсуждения в свете стала история гвардейского офицера фон Бринкена, уличенного в воровстве. Передавали, будто, чтобы не компроментировать гвардию, Николай I распорядился передать дело Бринкена на суд курляндского дворянства. Пушкин горячо встал на защиту принципа законности. 29 ноября 1833 г., через день после званного обеда у Е. А. Энгельгардта, Пушкин в дневниковой записи подвел итог начатого в гостях спора: «К чему такое своенравное различие... между гвардейским офицером и чиновником? Прилично ли государю вмешиваться в обыкновенный ход судопроизводства?.. Конечно, со стороны государя есть что-то рыцарское, но государь не рыцарь...»³⁷

Поэт высоко оценивал юридическое значение кодификации российского права 1833 г. и даже говорил М. М. Сперанскому о полезности «Полного собрания законов Российской империи» для историко-правовых справок при работе над материалами петровской эпохи³⁸. Описывая законодательную деятельность Петра Великого, Пушкин пришел к выводу о противоречивости петровских преобразований, сопоставляя фундаментальные принципы правотворчества царя-реформатора с его именными указами временного характера. «Первые были для вечности, или, по крайней мере, для будущего. Вторые вырывались у нетерпеливого самовластного помещика», — отмечал поэт в тексте «Истории Петра»³⁹. Сущность внутреннего конфликта, присутствующего во всех государственных начинаниях первого российского императора Пушкин видел в столкновении идеалов западноевропейского Просвещения с «азиатским невежеством», что неминуемо отражалось на методах укрепления самодержавной власти. Поэт не подвергал сомнению легитимность принципа единоличного правления, придав истории противоборства Милославских и Нарышкиных значение законного возвращения юридических прав, неотъемлемо принадлежавших Петру I по факту рождения. В интерпретации Пушкина политический крах правительства Софьи был предопределен всем ходом ее предшествующего правления, которое изначально носило оттенок открытой узурпации власти. Та же мысль присутствует и в многотомном своде документов петровской эпохи, который был составлен на рубеже 80–90-х гг. XVIII в. московским купцом И. И. Голиковым под покровительством Екатерины II. По словам автора «Деяний Петра Великого», несчастье царевны заключалось в том, что «при великом разуме» она оказалась «одного

³⁶ Пушкин А. С. Дневники. С. 29, 39; Бартенев П. И. Указ. соч. С. 32.

³⁷ Пушкин А. С. Дневники. С. 28–29.

³⁸ Там же. С. 34, 42.

³⁹ Пушкин А. С. История Петра. С. 413.

мнения с теми политиками, кои все способы почитают дозволенными, которые способствуют получению высочайшей власти»⁴⁰.

Разрозненные фрагменты пушкинианы, проанализированные в данной статье, нельзя рассматривать как свидетельство существования в наследии Пушкина хорошо продуманной историко-правовой концепции. Тем не менее, они дают неплохое представление о специфике восприятия политико-правовых реалий виднейшим представителем российской интеллектуальной элиты из среды тех слоев потомственной аристократии 20–30-х гг. XIX в., которые искренне были уверены в своей «духовной избранности». В начале 1990-х гг. С. О. Шмидт сконструировал архетип дворянского интеллигента пушкинской поры, назвав в качестве ведущей черты, свойственной ментальности образованного дворянина, тягу к слиянию идеалов Просвещения с нравственным началом, знаковой чертой которого являлась любовь к свободе, неотделимая от стремления служить Отечеству⁴¹. Размышления Пушкина о высоком предназначении дворянского сословия органично вписываются в предложенную С. О. Шмидтом исследовательскую парадигму, подкрепляя ее представлениями поэта о необходимости прочного политического союза между «мыслящими кругами» и императорской властью с ее стремлением к «великому подвигу улучшения государственных постановлений»⁴². По мнению Пушкина, потомственное происхождение дворянина наряду с высокой степенью просвещенности являются основными условиями независимости высшего сословия от трона, позволяющей лучшим представителям дворянства представлять перед сувереном от имени всего народа. Учитывая данное обстоятельство, он даже рекомендовал Николаю I обратить внимание на юридическую подготовку дворянской молодежи, усилив на старших курсах лицеев, гимназий и университетских пансионов преподавание права, «политической экономии по новейшей системе Сея и Сисмонди», статистики и истории⁴³.

Разумеется, подобные настроения были свойственны узкому кругу дворянских интеллектуалов обеих столиц и российской провинции, не затрагивая традиционные представления «старосветских» помещиков средней руки и многочисленных слоев оскудевшего дворянства о собственной сословной значимости. Тем не менее, проблема выявления специфики правосознания дворянина-интеллигента в микроисторическом срезе носит перспективный характер. Ее дальнейшее осмысление позволит расширить исследовательские горизонты историко-правовой науки, обогатив наше представление об индивидуальном восприятии официальных политико-правовых инициатив, направленных на укрепление государственных институтов и формирование социокультурного пространства Российской империи.

⁴⁰ Голиков И. И. Деяния Петра Великого. Изд. 2-е. М., 1837. Т. 1. С. 12.

⁴¹ Шмидт С. О. Общественное самосознание noblesse russe в XVI – первой трети XIX века // Шмидт С. О. Общественное самосознание российского благородного сословия, XVII – первая треть XIX века. М., 2002. С. 101–122.

⁴² Пушкин А. С. О народном воспитании // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 48.

⁴³ Там же. С. 47.